

Этот «бой бабочек» длится уже не одну декаду, перевалив через рубежи века и тысячелетия. Несмотря на эфемерность сражения, проходящего под шорохи книжных страниц, бой продолжает быть жестоким, и чья будет победа, никто не знает.

Кто же они, эти воители? Она – испорченная девочка, ненаглядная услада для литературного пигмалиона, её иссекшего из своих тайных сновидений, она же – свет его жизни, огонь его чресел.

Её противоборец – обаятельный неудачник, альтер эго другого автора, а по существу душа, выпорхнувшая из него, чтобы осветить закоулки тёмной и опасной эпохи и погаснуть, как свеча на сквозняке.

За что же они так бьются – они или, скорей, стоящие за ними авторы? Конечно, за сердца читателей, а это, в конечном счёте, сводится к утверждению себя и уничтожению соперника, как принято у людей других сословий, а также у всех созданий в животном и даже растительном мире. Чистой воды дарвинизм. При этом лишь она ему наносит удар за ударом, а он только и делает, что подставляет щёки...

Кто ж виноват в этой неравной борьбе? Конечно, не персонажи, а их создатели или, точнее, тот из двоих, кто привлёк больше сторонников своего изумительного, «как яд в полном изумруде», стиля и направил их, упоённых, против «худосочного доктора и его чаровницы из Чарской». Безусловно, обидчиком является Владимир Набоков, чемпион мира по русско-английскому языковому двоеборью, известный своей заносчивостью и дикими наскоками на Достоевского, на литературу больших идей и ещё на многие безусловные культурные ценности.

В чём же провинился перед ним его антагонист, другой литературный гений Борис Пастернак? Боюсь, лишь тем, что получил Нобелевскую премию именно он, а не Набоков. В подобных земных обстоятельствах чаще всего прорастают корни раздора или, в данном случае, односторонней вражды.

Премия эта, хотя и не единственная в мире, считается высшим признанием достижений в науках и литературе. Слава, почёт, плюс весомая денежная составляющая порождают острую конкуренцию среди номинантов. Так что необычное соперническое поведение вполне может быть этим объяснимо. Оно понятно и биографически: 16-летний Володя Набоков становится по завещанию миллионером и владельцем

большого благоустроенного поместья Рождественно. И в одночасье лишается его в результате большевистской революции и Гражданской войны, а в эмиграции теряет и отца. Такие колоссальные травмы трудно компенсировать чем-либо... Но утешить, хотя бы частично, может лишь нечто из ряда вон выходящее.

И его выдвигают на Нобеля – причём, подряд несколько раз: в 1963-м году (между прочим, в числе номинантов был и Евтушенко), в 1964-м, 1965-м и в 1966-м. Но – безрезультатно. Секретарь Нобелевского комитета Андерс Эстерлинг, оказывается, заблокировал кандидатуру Набокова: «Автор аморального и успешного романа „Лолита“ ни при каких обстоятельствах не может рассматриваться в качестве кандидата на премию». Это стало известно через 50 лет, когда Шведская академия обнародовала документы о том, как проводился выбор лауреата Нобелевской премии по литературе за 1963 год.

А роман «Доктор Живаго», получивший премию ранее в 1958 году, оказался соперником «Лолиты» совсем в другой номинации – на книжном рынке в Америке, вытеснив её из списка бестселлеров. Прежде всего это было коммерчески чувствительно, но Набокову здесь почудилось большее – подозрительная афёра советских секретных служб, направленная против него лично. Примерно о том же говорит запись из дневника Веры Набоковой:

«Коммунисты преуспели в пропихивании своей низкосортной стряпни в клуб «Лауреатов Нобелевской премии» – посредством чистого притворства, будто она «незаконно вывезена» из СССР! Массовый психоз идиотов, предводимых прокоммунистически настроенными подлецами».

Но ни писатель, ни его жена не были правы. Впрочем, секретные службы действительно участвовали в «пропихивании» романа Пастернака, однако не те, а другие: не КГБ, а совсем наоборот – ЦРУ! Нет, мой читатель, я не адвокат дьявола. Всё это стало совершенно точно известно спустя много лет, когда Центральное разведывательное управление США рассекретило 99 документов о романе Бориса Пастернака «Доктор Живаго» – они теперь в открытом пользовании, и каждый может в этом убедиться. Журналист и исследователь Иван Толстой не упустил такую сверхъестественную удачу и воспользовался новыми фактами для книги «Отмытый роман Пастернака» (Москва, 2009, «Время»). Вот что он пишет:

«Поначалу ЦРУ не интересовалось рукописью и не знало о её существовании. Через некоторое время американцам удалось «захватить» этот текст. Они его прочитали и увидели, что речь идет о лирическом философском романе, который для них интереса не представляет. Нельзя было бороться с коммунизмом при помощи «Доктора Живаго». Американцы его скопировали и положили в сейф, он

хранился в архиве издательства Мичиганского университета. Там он пролежал полтора года, пока события не изменились на политической и культурной карте.

Книга к тому времени уже вышла по-итальянски, поднялась настоящая буря. Пошёл слух от Альбера Камю, что Пастернаку могут присудить Нобелевскую премию. Но Камю узнал в Стокгольме, что требуется русское издание. И тогда ЦРУ решило провести спецоперацию – выпустить этот роман по-русски. Не присудить премию, нет, это было не во власти ЦРУ, а вот отпечатать русский текст в одном из дружественных издательских домов Европы – это было им по силам. Было заплачено 10 тысяч долларов, были наняты агенты, которые осуществили эту спецоперацию, и толстая книжка в 600 с лишним страниц вышла в августе 1958 года. Через неделю она была представлена на международной выставке ЭКСПО-58 в Брюсселе, а через полтора месяца Нобелевская премия была присуждена Пастернаку».

Эти махинации проводились, конечно, в полном секрете, и сам Борис Леонидович, занятый собственной многоходовкой, утратил над ней контроль и ничего об участии американских спецслужб не знал.

Возникает вопрос: откуда американцы получили оригинальную рукопись романа (или её копию), ведь её цепко держал у себя издатель Фельтинелли? Ответить легко: от британских спецслужб, а вот как те её добыли, это вопрос вопросов. Выскажу несколько предположений. Могли купить самого издателя на бешеные американские деньги и затем отдать искомое «покупателю». Или с помощью Джеймса Бонда или иного агента 007 захватить самолёт «Москва-Милан» с Фельтринелли, совершить целенаправленный шмон багажа, сфотографировать нужные 600 страниц, да и отпустить ошеломлённый борт восвояси. Или – как-то иначе...

Я попытался найти ответ в работе нидерландских славистов Питера Финна и Петры Куве (шлю привет Петре). Их книга несколько лет назад вышла на русском в Москве под названием «Дело Живаго. Кремль, ЦРУ и битва за запрещённую книгу». Это по существу увлекательный роман о романе, подробное исследование истории, связанной с означенной темой. И вот что они пишут:

«До наших дней дошли несколько апокрифических рассказов о том, как ЦРУ раздобыло оригинальную рукопись «Доктора Живаго» и почему ЦРУ так не терпелось издать роман по-русски. Говорили, что британская разведка вынудила сестру на Мальте самолет, на котором летел из Москвы Фельтринелли. Затем агенты извлекли из чемодана Фельтринелли рукопись и тайно пересняли страницы. Такого не было».

И всё-таки что-то определённо было! И некоторые утечки произошли, а «те кому надо», возможно, нечто чувствительное на этот

счёт обоняли – иначе не объяснить их ярость, с какой они обрушились на бедного автора. И пошла позорная свистопляска, которая закончилась лишь смертью автора и его «секретными» похоронами, на которые съехалась в Переделкино вся московская фронда. О том, как чувствовал себя затравленный Пастернак, принужденный отказаться от лауреатства, свидетельствует его последнее стихотворение.

НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ

Я пропал, как зверь в загоне.
Где-то люди, воля, свет,
А за мною шум погони,
Мне наружу ходу нет.

Тёмный лес и берег пруда,
Ели сваленной бревно.
Путь отрезан отовсюду.
Будь что будет, всё равно.

Что же сделал я за пакость,
Я убийца и злодей?
Я весь мир заставил плакать
Над красой земли моей.

Но и так, почти у гроба,
Верю я, придет пора –
Силу подлости и злобы
Одолеет дух добра.

1959 г., Переделкино

Набоков, несомненно, всё это знал и наблюдал за перипетиями событий, освещаемых мировой прессой. Наблюдал, можно предположить, со сложными чувствами, среди которых, однако, не нашлось места солидарности и сочувствия к собрату по перу. Он и раньше не восхищался его поэзией. Вот что молодой Набоков, тогда ещё Сирин, писал в газете «Руль» в 1927 году:

«Есть в России довольно даровитый поэт Пастернак. Стих у него выпуклый, зобастый, тарашающий глаза, словно его муза страдает базедовой болезнью. Он без ума от громоздких образов, звучных, но буквальных рифм, рокошующих размеров. Синтаксис у него какой-то развратный – чем-то напоминает он Бенедиктова. Вот точно так же

темно и пышно Бенедиктов писал о женском телосложении, о чаше неба, об амазонке.

Восхищаться Пастернаком мудрено: плоховато он знает русский язык, неумело выражает свою мысль, а вовсе не глубиной и сложностью самой мысли объясняется непонятность многих его стихов. Не одно его стихотворенье вызывает у читателя восклицанье: «Экая, ей Богу, чепуха!».

Помилуйте, тогда уже была напечатана «Сестра моя – жизнь», вызвавшая восторженную статью Цветаевой «Световой ливень», Пастернак был в зените своей ранней славы! А Сиринов только-только начинал своё восхождение. Такое резкое неприятие очевидного можно, конечно, объяснить разницей судеб, а можно и вкусовыми расхождениями... Но в конце 50-х под грохот газетных угроз и публичных поношений поэта – отпустить пренебрежительные замечания о нём? Пародировать крик его задавленной души? Более, чем странно...

ВЛАДИМИР НАБОКОВ

Какое сделал я дурное дело,
и я ли развратитель и злодей,
я, заставляющий мечтать мир целый
о бедной девочке моей?

О, знаю я, меня боятся люди,
и жгут таких, как я, за волшебство,
и, как от яда в полом изумруде,
мрут от искусства моего.

Но как забавно, что в конце абзаца,
корректору и веку вопреки,
тень русской ветки будет колебаться
на мраморе моей руки.

1959, Сан-Ремо

Знал ли Пастернак о таком предубеждённом отношении к нему? Боюсь, что знал. Когда обсуждался вопрос о переводе романа на английский, ему назвали имя лучшего, кто это мог бы сделать – Набоков! «Нет, это не выйдет, – ответил поэт. – Он слишком завидует моей мизерной доле». Вот и здесь: обратите внимание на первую строфу набокковского стихотворения – она является парафразом, скорей всего пародийным, предпоследней строфы пастернаковского, даже

повторяет её неумудрящую рифму «злодей – моей». Давайте сравним.

Заметьте – для Пастернака главное в романе не осуждение жестокостей Гражданской войны, не прихотливые пути разлучённых любовников и чудо их встреч, не утопические мечты о бессмертии, не трогательные диалоги сердец, но, хотя там всё это есть, прежде всего он ставит своей заслугой умилённое сочувствие целого мира к красе своей страны.

Хорошо известно, что роман вызвал и продолжает вызывать неоднозначные мнения у некоторых профессионалов и знатоков. К ним относилась Анна Ахматова, сочувствовавшая Пастернаку и дружившая с ним всю жизнь. Но и она, помимо нелюбимых критических замечаний, отметила главное:

«У меня... никогда не было никаких редакторских поползновений, но тут мне хотелось схватить карандаш и перечеркивать страницу за страницей крест-накрест. И в этом же романе есть пейзажи... я ответственно утверждаю, равных им в русской литературе нет. Ни у Тургенева, ни у Толстого, ни у кого. Они гениальны, как „рос орешник“».

Действительно, один лишь образ уральской рябины, расклёванной птицами, не только пересиливает дуб Андрея Болконского, но дорастает до библейского Древа Жизни! О других тайных смыслах романа, о «взрывчатых гнёздах» внутри сюжета и об их пресуществлении после эпилога в главе «Стихи Юрия Живаго» стали догадываться только поздние читатели.

А что ценит в своём романе другой «злодей», вызвавший осуждения и упрёки в аморальности у литературных менторов англоязычного и русскоязычного мира на Западе? Вряд ли он такой уж уголовно наказуемый, но определённо развратитель, ведь он заставляет целый мир «мечтать о бедной девочке моей», то есть пробуждает у читателей сексуальный интерес к запретному, нездоровому лакомству – к детям, к несовершеннолетним... И делает это с завидным словесным артистизмом, при этом умело обезопасив себя целой сетью сюжетных подстраховок.

Странно, что он претендовал на высокую награду именно за «Лолиту» и даже более того – мечтал о памятнике в России. Воображать было для него нарциссически забавно, он даже предвидел, как тень русской ветки будет колебаться на мраморе его руки. Так и написал: «на мраморе моей руки» (а не на руке памятника), заставив читателя покраснеть от такой безвкусицы. Сорвался...

Эта «Лолита», не столько, может быть, порочная девочка, сколько редкая бабочка, и даже не столько бабочка, сколько яркая книжка, могла бы нанести ему урон, в чём-то сравнимый с пастернаковским уроном от «Доктора». Нет, государственная машина

США ничего бы не сделала, а вот критики могли бы вконец заулюлюкать, издатели могли наглухо запереть от него все двери, а университетское начальство отлучить от преподавания и даже запретить вход на кампус, тем более, что он не был профессором с постоянным местом. Но... взамен коммерческого и морального краха, Набокова пригласил Голливуд, и он снова стал миллионером.

Русско-французская писательница княжна Зинаида Шаховская, с молодости дружившая с Набоковым, рассказывает:

«И.А. Бунин, мягкосердечием к собратьям не страдавший, сказал мне о Сирине: «чудовище, но какой писатель!» и так определил его виртуозность: «он как акробат, так и ждёшь – сорвётся или нет».

Шаховская много писала о Набокове, рецензировала его романы, и тому нравились её статьи, он находил их «умными и проницательными». Её мемуарный очерк «В поисках Набокова», выпущенный отдельной книгой в Париже, подытоживает их отношения вплоть до финальной ссоры, столь для него характерной. Дело в том, что Шаховская в 1959 году опубликовала во французской прессе статью «Набоков, или Рана изгнания», где дала высокую оценку «Лолите» и всему творчеству Набокова, но неосторожно упомянула бунинский отзыв о нём и сравнила читательский успех «Лолиты» с успехами книг двух Нобелевских лауреатов – Хемингуэя и Пастернака. Такого нельзя было делать. На приёме в издательстве Галлимар в честь Набокова виновник торжества нарочито не узнал княжну и, сухо поздоровавшись, не сказал больше ни слова. Это было жестоко! Она потом записала: «В тот день я потеряла друга, но писателя Набокова я не потеряла».

Что бы я хотел сказать в конце этой истории? Грустно это, господа...

ДОРОГИЕ ПИСАТЕЛИ, ПОЭТЫ И ПРОЗАИКИ, ГЕНИИ И ТАЛАНТЫ! БУДЬТЕ ПРЕЖДЕ ВСЕГО ЛЮДЬМИ, ВЕДИТЕ СЕБЯ ХОРОШО!

Читатели, не уподобляйтесь вашим кумирам!

May 2021, Champaign, IL